

П.В. Шейн

Русские народные песни

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П11

П11 **П.В. Шейн**
Русские народные песни / П.В. Шейн – М.: Книга по Требованию, 2013. – 132 с.

ISBN 978-5-517-96080-1

Русские народные песни: песни былевые

ISBN 978-5-517-96080-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Во бесѣдѣ сидятъ люди добрые,
Говорятъ рѣчи хорошия:
Въ селѣ было во Муромѣ,
Во деревнѣ было Корочаровѣ,
Жилъ былъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ,
Сынъ Ивановичъ, богатырскій сынъ.
Онъ просилъ у своего батюшки
Великаго благословеньца:
«По дикой степи мнѣ погуляти,
«Добра коня понаѣздити.»
Онъ и ѣхалъ путемъ, дороженькой,
Онъ подѣхалъ къ тремъ дороженькамъ,
И началъ себѣ думу думати,
Думу думати, думу крѣпкую:
«По которой мнѣ будетъ ѣхать дорожинькѣ:
«Ежели по праву ѣхать—богатому быть,
«А по лѣву ѣхать—женатому быть,
«А по средней ѣхать—убитому быть.
«Мнѣ женитьба не ко младости,
«А богатство мнѣ не къ радости;
«Дай поѣду я, гдѣ мнѣ убитому быть;
«Убить-то меня не за что.»
Подѣзжалъ-же ко Окѣ рѣкѣ,
Черезъ Оку рѣку конь перескакивалъ,
Рѣзвыхъ ногъ не обмакивалъ.
Тутъ стояли-же воры и разбойнички,
По русскому придорожнички.
Натягаетъ онъ свой тугой лукъ,
Пускалъ стрѣлу во сырой дубокъ,
Ращипалъ дубокъ въ ножевыя череныщи,
И тутъ воры-разбойники испугалися,
По дикой степи растрѣялися,
По камышнички размирялися.

(Отъ крестьянина Кузьмы Ослова, уроженца Нижегород. губ.).

3.

(Тон же губ. и того же уѣзда, села Усть-Урень).

Намъ не жалко пива пьянаго,
 Намъ не жалко зелена вина,
 Только жалко смиренную бесѣдушку.
 Во бесѣдѣ сидятъ люди добрые,
 Говорятъ они рѣчи хорошия
 Про стараго казачка, Илью Муромца.
 Изъ-за горъ было, горъ высокихъ,
 Изъ-за лѣсовъ, лѣсовъ темныхъ,
 Не бѣла заря занималася,
 Не красно солнце выкаталося:
 Выѣзжалъ тутъ добрый молодецъ,
 Добрыи молодецъ, Илья Муромецъ
 На своемъ конѣ богатырскимъ;
 Побѣляла его головушка,
 Посѣдѣла его бородушка.
 Ѣдетъ онъ путемъ, прямой дорогою,
 Подъѣзжаетъ добрыи молодецъ
 Ко тремъ ко дороженькамъ,
 Ко дороженькамъ ко широкимъ.
 На дороженькѣ бѣлъ горячъ лежалъ камень,
 На камнѣ печать положена:
 «По которую мнѣ доброму молодцу
 «Будетъ ѣхать по дороженьку:
 «Есть по средней дорожкѣ ѣхать—быть убитому;
 «По лѣвой сторонушкѣ ѣхать—быть богатому;
 «По правой мнѣ ѣхать сторонушкѣ—быть женатому:
 «Мнѣ жениться не ко младости,
 «А богатство мнѣ не къ разуму;
 «Поѣду, добрый молодецъ, по средней по дороженькѣ.»
 На той на дороженькѣ стоялъ сыръ матери дубъ,
 Подъ дубомъ стоялъ станъ разбойничковъ,
 Ихъ не много, ихъ не мало—сорокъ одинъ человекъ.
 И завидѣли они издавна русскаго богатыря,
 Выходили къ нему по пяти и по десяти человекъ.
 Ихъ сердца на его коня богатырскаго разгорѣлися,
 Межъ себя они разговаривали:
 — Что мы жили, такого коня не видывали:

— Ужь ты стой, постой, добрый молодець!
 — Ужь ты стой, постой, Русский богатырь! —
 «Охъ вы братцы, товарищи! Съ меня вамъ взять нечего!
 «Я своего коня на базаръ не вживалъ,
 «Никто цѣной его не окладывалъ;
 «На мнѣ шубенка во пять сотъ рублей,
 «На мнѣ шапочка во три сотенки;
 «Рукавички на мнѣ въ одну сотенку.»
 Вынимаетъ добрыи молодець,
 Вынимаетъ Илья Муромецъ
 Изъ колчана калену стрѣлу,
 Натягаетъ тугой лучокъ,
 Намѣчаетъ сыръ матерый дубъ:
 Онъ ращипъ его во мелки кусочки.
 Разбойнички все перепугнулись,
 Они все врозь отъ него разбѣжались,
 На третьи суточки къ нему собралися:
 — Ужь ты, добрый молодець, Русский богатырь!
 — Ты поди къ намъ во товарищи;
 — Сколько хочешь бери золотой казны,
 — Платя цвѣтнаго, лошадей и табуны!
 Илья Муромецъ на нихъ разсмѣхнулся:
 «Охъ вы, братцы мои, неприятели!
 «Не охотникъ я у васъ овецъ пасти;
 «Покажите мнѣ дороженьку
 «По Черниговъ градъ проѣхати,
 «Черезъ горы Сарачинския,
 «Черезъ лѣса, черезъ Крымскіе,
 «Гдѣ Соловей стоитъ, самъ разбойничекъ!»
 Поѣхалъ Илья Муромецъ,
 Поѣхалъ путемъ-дорогою;
 Соловей разбойничекъ его завидѣлъ же:
 Полетѣлъ и встрѣчаетъ его.
 Напустилъ на него громкій свистъ;
 Илья Муромецъ на него разгорчился,
 Вынимаетъ изъ колчана калену стрѣлу,
 И намѣчаетъ онъ Соловья разбойничка,
 И сшибъ его какъ овсянаго снопа;
 Заложилъ его Илья Муромецъ
 Во торока свои вѣрныи,

И поѣхалъ путемъ прямой дорогою,
Въ Кіевъ градъ Богу помолитися,
Кіевскому князю поклонитися.

У Кіевского князя было собраніе:
Всѣ князья съѣзжались, бояре къ ему.
Илья Муромецъ въ палаты восходилъ,
Поклонился князю Кіевскому.

«Ужь ты что и какой ты богатырь?»

— Богатырь я самъ Илья Муромецъ.—

Кіевскіи Князь распрощать его сталъ:

«Ужь ты что есть за такой богатырь?»

«Гдѣ проѣхалъ, проѣзживалъ?»

— Черезъ горы ѣхалъ Сарачинскія,

— Черезъ лѣса ѣхалъ Брымскіе.—

— Тутъ ни кто конныи не проѣзживалъ,

— Ни кто пѣшии не проѣзживалъ?»

— А я проѣхалъ, Илья Муромецъ,

— Соловья разбойничка во плѣнь его взялъ?—

Кіевскіи Князь сталъ говорить ему:

«Ужь ты Илья добрый молодецъ,

«Возьми его къ себѣ во палатушки,

«Прикажи ему, Илья Муромецъ, посвистати!»

Илья Муромецъ, добрый молодецъ,

Посадилъ его на лѣвую ручешку,

Приказалъ ему посвистати:

«Соловей разбойничекъ посвищи не во весь свистъ,

«Посвищи-ка Соловей разбойничекъ, въ полсвиста».

Соловей разбойникъ разгордился,

Засвисталъ онъ во весь свистъ—

Во всѣ бесѣдушки люди перепужались.

(Отъ ратника Н Барповенкова)

4.

(Той же губ. и того же уѣзда, выселокъ Александровка)

Какъ по морю, морю Хвалынскому,

Плавалъ тутъ корабль ровно тринадцать лѣтъ,

На якорѣ корабль не останавливался,

И ко берегу корабль не приваливался.

На батюшкѣ, на Соколѣ, на черномъ кораблѣ,
 Было два торго и четыре кабака,
 Было два богатыря сильные, могуче:
 Первый богатырь—Симеонъ молодой,
 А другой богатырь—Илья Муромецъ.
 На Ильюшенькѣ шубеночка худехонька:
 Лѣва пола въ пять сотъ рублей,
 Правая пола во всю тысячу,
 Всей то шубеночкѣ, цѣны ей нѣтъ.
 Ильюшенька по кораблю похаживаетъ,
 Тросточкой по пуговкамъ поваживаетъ,
 Его пуговики разбѣлѣлися,
 Его петельки разгорѣлися,
 На всякой на пуговкѣ по лютому звѣрю,
 По лютому звѣрю, по заморскому льву
 Думали-гадали станишнички,
 По русскому назвать-воры, разбойнички,
 Думали-гадали, какъ корабль, разбить
 Корабль разбить, Илью во полонъ взять.
 Его лютые звѣрья разревѣлися,
 Всѣ станишнички перепугалися,
 Во легкия во лодочки пометалися,
 По синему по морю разстрѣлялися,
 Въ третій день сходилися,
 И звали его во товарищи:
 — Ты будешь у насъ атаманушкой. —
 «У отца я былъ, у матери,
 «Не охочь я былъ стадо пасти:
 «По лѣсамъ то я не стаивалъ,
 «По дорогамъ-то не ѣзживалъ.
 «Гдѣ мнѣ проѣхать черезъ лѣса Брымскіе,
 «Черезъ лѣса Брымскіе, черезъ горы Сарачинскія». —
 — Тутъ дорога запала тридцать годовъ:
 — Соловей разбойникъ тутъ гнѣздо свилъ,
 — Гнѣздо свилъ на семи дубахъ. —
 Не доѣхалъ онъ за тридцать поприщевъ,
 Конь его спотыкаться сталъ:
 «Ну-ка ты конь, вороній кормъ!
 Не видавши страсти, ужаста, спотыкаться сталъ!»
 Прѣзжаетъ ко царю ко Владимиру,

Сидятъ богатыри во бесѣды;
 Входитъ въ палату, молится чужимъ образамъ,
 Поклоняется на всѣ стороны,
 Величаетъ царя Владиміра.

(Отъ 80-лѣтняго старика слѣща.)

5.

Какъ во городѣ во Муромѣ,
 Въ селѣ было Карачаровѣ:
 Не сильная погода поднималася,
 Не зелена дубрава разшумѣлася,
 Не бумажные листочки разстилаются,
 Не сыренькой дубочекъ къ землѣ клонится,—
 Тутъ кланяется Ильюша отцу съ матерью,
 Онъ ни просить ни золота, ни серебра:
 «Не надо мнѣ одежды драгоцѣнныя
 Не прошу у васъ закону, молодой жены, —
 Вы пожалуйте мнѣ велико благословеньице
 Мнѣ во Киевъ ко заутрени,
 Мнѣ во Царь-градъ ко обѣденкѣ,
 Мнѣ послушать четья-пѣнья церковнаго,
 Да еще послушать звону колокольнаго.»
 — Охъ ты гой еси, чадо милое!
 — Молодешенекъ Ильюша похваляется,
 — Какъ во дальнюю дорогу собирается,
 — Эта дороженька не малая,
 — Скоры гонцы гоняють черезъ двѣнадцать дней,
 — Воловымъ шагомъ-два мѣсяца. —
 Пospѣваетъ Ильюша на своемъ добромъ конѣ,
 Не держали Ильюшу ни горы, ни долы,
 Не быстрыя рѣки, ни темные лѣса;
 Погоняетъ своего коня по крутымъ бедрамъ,
 Пробиваетъ у добра коня тѣло до бѣлыхъ костей,
 Pospѣшаетъ Ильюша къ обѣденкѣ.

(Зап. И. Ив. Акутинымъ въ Самарѣ.)

Про Добрыню Никитича.

(Енисейск. губ. Минусинск. округа, с. Верхне-Бужебарское).

Что не бѣлая берѣза къ землѣ клонится,
 Не кудрявая ко сырой да приклоняется,
 Ужь какъ кланяется сынъ да своей матушкѣ,
 Добрый молодецъ Никитушка Добрыничъ-сынъ
 Что честной вдовѣ Афирьѣ Александровнѣ:
 «Ужь ты гой еси, родимая моя матушка,
 «Что честна вдова Афирья Александровна!
 «Ужь ты дай мнѣ ка свое благословеньце,
 «Мнѣ-ка ѣхати да во чисто поле,
 «Что искать себѣ названнаго братолика,
 «Что стараго казака да Илью Муромца!»
 — Какъ возговоритъ ему да родна матушка:
 «Ужь ты гой еси, родимо мое дитятко!
 «На кого ты оставляешь свою матушку;
 «На кого ты покидаешь молодую жену?»
 — Какъ отвѣтъ держалъ добрый молодецъ:
 «Оставляю я васъ, матушка, на Бога.»
 Что даетъ ему мать свое благословеньце:
 «Благословить ты Богъ, мое дитя родимое!
 «Что на добрыя дѣла и всѣ подвиги!
 «Ужь ты ѣди-ко дитя во чистомъ полѣ,—
 «Чистехонько, хорошехонько!»
 Тутъ началъ сряжаться добрый молодецъ;
 Онъ въ сѣдельце чернаское коня сѣдлагъ,
 Во уздицу во тесненную зауздывалъ,
 Что бралъ нитну шолку камахановаго,
 Да тугой лукъ и калены стрѣлы.
 Осѣдлавши онъ садился на добра коня,
 Самъ возговорилъ таковы рѣчи:
 «Ужь ты гой еси, родима матушка,
 «Что честна вдова Афирья Александровна!
 «Ты жди ко-ся меня! ровно три года;
 «Ты не дожدهшься меня ровно въ три года!
 «Ты бери мои золоты ключи,
 «Отпирай-ка тогда золоты ларцы,
 «Вынимай мою золоту казну,

«Подавай ее по попамъ, по монашенкамъ,
 «По честнымъ по родителямъ;
 «Поминайте меня добра молодца!
 — А ты гой еси, моя молода жена!
 «Хороша Настасья, дочь Никулишица!
 «Ужъ ты жди меня ровно девять лѣтъ;
 «Если въ девять лѣтъ меня не дождешься,
 «Хоть замужъ пойдѣ, хоть вдовой сидѣ!»
 Ужъ какъ видѣли добра молодца, какъ мони обдлагъ,
 А не видѣли, какъ съ двора сѣвзжаль.
 Что не пылъ столбомъ поднималася, —
 Одна откопоть печавалася,
 Какъ уѣхалъ Никитунно во чисто поле,
 Добрыничъ свѣтъ во раздолщице.
 Онъ годъ ѣздилъ во чистому полю,
 И не можеть маѣхатъ Ильи Муромца:
 Съ той печали во кручинушки
 Натягаетъ онъ свой тугой луки
 И спускаетъ свою малену стрѣлу.
 Улетала та сво стрѣлочка!
 Во село ко Маринѣ красной дѣвушкѣ,
 Къ красной дѣвушкѣ да во высокъ теремъ,
 Во окошечкѣ во корячатое,
 Во стекольшко во заморское.
 Увидалъ тутъ добрый молодець
 Во чистомъ полѣ бабушку задворенку.
 «Ужъ ты гой еси, бабушка задворенка!
 «Ты сходи-ка, къ Маринѣ красной дѣвицѣ
 «За моей ли то каленой стрѣлой!»
 Тутъ пошла бабушка задворунка скорѣшенико.
 Пришедши ко Маринѣ красной дѣвицѣ,
 Поклонилась ей низенцеюко,
 Говорила ей честнешешюко.
 «Ужъ ты гой еси, Марина, красна дѣвица!
 «Что послать маенъ тебѣ добрай молодець;
 «Добрый молодець Добрыня Никитичъ сынъ,
 «Велѣлъ оца тебѣ помолити ед,
 «И просить у тебя его калену стрѣлу».
 — Какъ отвѣтила Маринѣ красна дѣвица,
 Той ли бабушкѣ задворенкѣ:

«Кто эту стрѣлочку застрѣливалъ,
 «Пусть тотъ за стрѣлочкой самъ придетъ.»
 Съ тѣмъ отвѣтомъ бабушка задворенка
 Воротилась во чисто поле
 Ко удаму добру молодцу,
 Ко Никитѣ Добрыничу.
 А Маринка, красна дѣвица,
 Полетѣла вслѣдъ сорокою,
 Чтобы выслушать его рѣчи.
 Говорить ему тутъ бабушка задворенка:
 «Ужь ты гой еси, удалой добрый молодець!
 «Отвѣтила мнѣ Марина красна дѣвица,
 «Что кто ту стрѣлочку застрѣливалъ,
 «Тотъ пусть за стрѣлочкой самъ придетъ.»
 Какъ отвѣтилъ добрыи молодець
 Той бабушкѣ задворенкѣ:
 «Я не иду къ ней, сукѣ гончя,
 «Ко совѣ заморской, ко змѣѣ семглавья!»
 Что услышала таковы слова
 Та Марина, красна дѣвица,
 Отъ тѣхъ словъ она осердилась
 Обернула за то Никитушку,
 Обернула туромъ золоты рога!

Черезъ дальнее перечайльце, (?)
 Шли калики перехожии,
 Перехожии, переброжии
 До села его родной тетушки,
 Старой дѣвицы, Татьяны Александровны.
 Пришедши къ ней просятъ милостыню.
 Какъ спросить ихъ Татьянаушка:
 «Вы отколь идете калики перехожии,
 «Изъ какой страны изъ дальнія?» —
 Отвѣчали ей калики перехожии:
 «Мы идемъ теперь изъ чиста поля.»
 — «Ужь вы что тамъ въ полѣ видѣли?»
 — Ужь мы видѣли въ томъ чистомъ полѣ
 «Три тура да три велики,
 «Что единъ-отъ дурь да золоты рога!

—Говорила тутъ стара дѣвица
 Тѣмъ каликамъ перехожимъ:
 «Вы послушайте меня, калики перехожіи,
 «Воротитесь вы въ обратный путь
 «Ко Маринѣ, красной дѣвицѣ,
 «Вы снесите ей мою грамотку
 «И скажите ей со угрозою,
 «Чтобы того она тура—золоты рога
 «Отвернула бы въ прежний видъ;
 «Буде она меня не послушаетъ,
 «То я сама подымуся къ ней,
 «Оберну ее сорокомъ бѣлохвостомъ
 «И пуцу летать весь вѣкъ безъ отдыху.»
 Тутъ калики послушались,
 Низешенько ей поклонилися,
 Поклонившись шли въ обратный путь
 Къ той Маринѣ, красной дѣвицѣ,
 Принесли ей строгу грамотку,
 Говорили таковы слова:
 «Ужь ты гой еси, Марина, красна дѣвица!
 «Получи отъ насъ къ тебѣ грамотку,
 «Отъ родимой твоей тетушки,
 «Отъ Татьяны Александровны.»
 —Тутъ Марина испугалася,
 За ту грамоту робко принималася,
 И читала ту грамоту скорешенько.
 Прочитавши пошла во чисто поле
 И кричала тура-золоты рога.
 Прибѣжалъ къ ней туръ, какъ рысь добра.
 Тутъ стала она тура уговаривать:
 «Ужь ты гой еси, могучій, сильный богатырь,
 «Что удалын добрый молодецъ Никитушка!
 «Ты возми меня за себя замужъ.»
 —Какъ отвѣтъ держалъ добрый молодецъ:
 «Ужь ты гой еси, Марина, красна дѣвица!
 «Еще есть у меня молода жена,
 «Хороша Настасья дочь Никулишна.»
 Тутъ Марина повинялася,
 Говорила ему таковы слова:
 «Ужь я думала, что ты холоубъ есть.»